

Елена Касимова

ДОЛГИЕ ПОИСКИ ПУТИ

ИНТЕРВЬЮ С ПИСАТЕЛЕМ И ПЕРЕВОДЧИКОМ ГЕДАЛИЕЙ СПИНАДЕЛЕМ

Любители еврейской книги на русском языке не раз замечали на обложках имя Гедалия Спинаделя. Особенно те, кто интересуется литературой о глубинном понимании текстов Торы и еврейской традиции на разных уровнях. Спинадель — человек редкой творческой энергии и внутренней собранности: директор издательства «Ам Асефер» (Народ Книги), член Союза писателей Израиля с 1989 года.

За долгие годы он успел перевести, написать, составить, отредактировать и выпустить более пятидесяти книг — фактически создав целый пласт русскоязычной еврейской книжной культуры.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АМ АСЕФЕР»

- Гедалия, почему вы решили создать издательство?

— Название «Ам Асефер» переводится как «народ книги». Впервые так нас называли арабы, и в этом определении есть глубокий смысл. Именно Книга сделала нас народом. Мы не сформировались естественным путём, как другие — живя веками на одной земле, постепенно формируя собственную культуру. Мы стали народом сверхъестественным образом, в одночасье, когда приняли Книгу — Тору и взяли на себя исполнение Закона Творца мира.

Но это событие не осталось в глубине веков. Мы остаемся тем же народом, потому что именно Книга сохранила нам жизнь. Мы несли ее с собой и внутри себя, и она, связывая нас с Творцом, несла нам жизнь в любом изгнании, среди любых народов и государств. Она делала нас независимыми от пространства и времени, поднимала над обстоятельствами, делая нас вечным народом.

Зайдите в любой зал для учения и взгляните: стены от пола до потолка закрыты полками. И это лишь малая часть океана письменного наследия — сотен тысяч трудов, созданных за века еврейскими мыслителями, мудрецами, толкователями. Но дело, конечно, не в количестве. Многие великие авторы оставили после себя всего одну книгу — но какую! Я даже не говорю о Торе: она дана нам свыше,

а не создана людьми, и ее величие не имеет меры. Возьмем хотя бы комментарии к ней. Самые известные — Раши, написанные девять веков назад, входящие во все издания Торы и изучаемые с раннего детства. Нередко говорят, что задача комментариев Раши к Торе — разъяснить простой смысл текста. Но уже девятьсот лет выходят новые и новые книги, с попытками постичь глубину лаконичной мысли великого Раши.

Великое еврейство России, столь много давшее и своему народу, и всему человечеству, за годы нацизма и коммунизма оказалось жестоко оторванным от своих корней и сегодня стоит на грани физического

и культурного исчезновения. Чтобы его спасти, нужно вернуть ему проверенное веками лекарство — душу, то есть книги и духовную традицию. Сначала на родном, русском языке, чтобы евреи из бывшего Совет-

ского Союза вновь ощутили вкус еврейской книги и живой традиции, вернулись к жизни, наполненной смыслом, стали достойной частью Народа Книги и обрели в нем свою вечность.

ПРЕДЫСТОРИЯ

- Расскажите, пожалуйста, о себе, о своей семье, родителях, дедушках и бабушках.

О ПРЕДСТОЯЩЕМ ПУТИ

— Я родился в один год с нашим Праотцом Авраамом — в 1948 г. Только он — от Сотворения мира, а я — в год рождения государства Израиль. И оба мы были пришельцами, евреями, сделавшими шаг от множества к Единству.

Интересно, что число 1948 является гематрией (в иврите каждая буква имеет свое числовое значение, гематрия — это суммарное числовое значение всех букв) слов из стиха Теилим (Псалмы царя Давида), 94:12: «Счастлив человек, которого Ты наказываешь, Б-г».

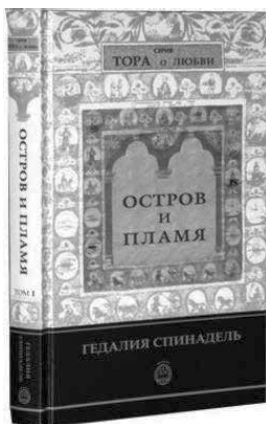
Авраам в свое время выдержал десять испытаний. В мою эпоху, почти сразу после моего рождения, Израиль вступил в Войну за независимость, а Москва погрузилась в анти-семитскую кампанию.

Но в этом же стихе есть продолжение: «...и кого обучаешь Своей Торе». И этот Путь — с его трудностями, уроками и внутренним ростом — предстояло пройти каждому из нас, хотя мы еще ничего об этом не знали.

О СЕМЬЕ: ДЕДУШКА

— Мой дед по линии отца, Лев (бен Хаскель) Спинадель, закончив в Одессе университет, женился на моей бабушке Рае Разумовой.

Когда у них в 1919 году родился сын (мой будущий отец Валерий), молодые дедушка и бабушка отвезли его на обрезание к деду Льва — раввину и даяну местечка Леово (в настоящее время — это территория Молдавии) Йехиэлю Михелю Давидсону (согласно родословной — потомку царя Давида по материнской линии). Оттуда они ночью с контрабандистами перешли границу из советской России

Дед Гедалии — Лев Спинадель

в Румынию (так как дед был участником Белого движения), а затем добралась до Праги.

В Праге он заново собирал себя: окончил медицинский факультет Карлова университета, работал в больницах разных городов, где ночные дежурства стали его настоящей школой профессии. В 1930-е служил в частном акушерском санатории, расширял знания в медицине и фармакологии, но в 1939 году, после прихода немцев, был вынужден снова бежать — теперь уже во Францию, где был его брат — врач Яков. Там вступил в добровольческую чехословацкую армию и стал главным врачом батальона, а затем, пережив распад фронта, оказался в Великобритании, где работал хирургом и овладевал тогда еще молодой областью — анестезиологией. Его военная служба привела его даже в далекий Лагос, в британскую Нигерию, где он продолжал врачебную практику.

Вернувшись в Чехословакию в конце 1946 года, он принес с собой опыт разных фронтов и стран. В пражских больницах он настойчиво продвигал новые методы анестезии, служил в медицинском корпусе армии, стал ее главным экспертом в этой области. Благодаря его усилиям анестезиология была признана самостоятельной дисциплиной, и именно он добился открытия первого в стране анестезиологического отделения в Центральном военном госпитале в Праге, которым и руководил с 1948 года. Он также написал первый в Чехословакии учебник по анестезиологии, который был издан в 1950 году.

Его путь — череда дорог беженца, госпитальных коридоров, ночных операций и непрерывного движения вперед — путь человека, который превращал испытания эпохи в силу и знание.

В Праге власти просоветской тогда Чехословакии вспомнили об его участии в белом движении и о том, что он приехал из «буржуазной» Англии. Начались преследования. Деду пришлось оставить военную службу и свою работу. Он был крепким человеком и до семидесяти лет ходил на лыжах по горам. Но это уже другая история.

Умер он во сне. Похоронен в Праге.

Долгое время мы не знали, где он захоронен, но несколько лет назад, благодаря добрым людям (в частности, Давиду бен Аврааму), которые прочли мою публикацию на страницах Face Book, смогли найти место его погребения.

О СЕМЬЕ: БАБУШКА

Папина мама, моя любимая баба Рая, родилась в состоятельной светской семье в Одессе.

Бабушка Гедалии Спи-

Гедалия с сыном в Праге у могилы Льва Спинаделя, деда Гедалии.

наделя - Раиса Петровна (Пинхасовна) Спинадель-Разумова — поэт и переводчик (1899, Одесса — 1968, Москва)

Она была удивительно талантлива, прекрасно образованна, писала проникновенные стихи и переводила художественную литературу. Из Праги она вернулась к родителям уже без мужа — только с маленьким сыном.

Вот пример ее стихов:

СОНЕТ
Торжественно, в сонета стро-
гой раме
Проходит жизнь. И я, созрев,
пойму,

Что озорство и злоба ни к чему,
И что наш путь мы выбрали не сами.

И буду жить с открытыми глазами
И мир таким, каков он есть, приму
Я с мудростью, присущей ему,
И строгими, простыми чудесами.

Не осквернив ненужностью метанья
Осенние, прозревшие желанья,
Не расплывшись в суете сует,
К неповторимой радости погоста
Я принесу торжественно и просто
Нетронутым классический сонет.

Прага, «Своими путями». 1926. № 12–13

На протяжении жизни она окончила многочисленные учебные заведения — от гимназии и курсов до различных университетов.

Когда родился сын, выехала в местечко Леоно (Румыния) к дедушке мужа - Льва Спинаделя, чтобы сделать мальчику обрезание.

В конце 1920-х она обосновалась в Москве. Сначала работала с каталогами и рукописями, затем вошла в круг литературных и научных редакторов Института мирового хозяйства и мировой политики, где ее точное перо и ясный ум ценили особенно. Печатала статьи о Балканах, погружалась в экономику Болгарии, Югославии и Греции — писала о странах, которых никогда не видела, но знала о них многое.

В 1941-м, вместе с тысячами москвичей, она оказалась в ташкентской эвакуации, а спустя два года вернулась в столицу и вновь погрузилась в работу: участвовала в создании справочников о Балканах и «Дипломатического словаря», публиковалась в журналах, где собирались лучшие умы времени.

После войны все более погружалась в переводческую деятельность, где ее настоящий талант проявлялся особенно ясно.

Младший бабушкин брат Имануэль, после отсидки за участие в еврейской сельскохозяйственной коммуне в Крыму, спасся лишь чудом, уехав в 1927 году в Палестину. Два других брата

— коммунисты Сергей и Владимир — были расстреляны в 1937 году.

За бабушкой тоже приходили, но дома ее не застали: соседи успели предупредить, и она немедленно исчезла на три месяца, укрывшись вместе с маленьким сыном — моим отцом. Слава Б-гу, о ней затем забыли. Старший брат Миша, его жена и дочь были убиты румынами в Одессе в 1941 г.

Всего этого, разумеется, в официальной биографии нет.

Бабушка была удивительным человеком — светлым, добрым, радостным, с огромной душой. Я никогда не слышал от нее о людях ни резкого, ни осуждающего слова. Она жила книгами, никогда не жаловалась и почти не говорила о прошлом, словно оберегая нас от боли.

Мой папа был инженером. Он вырос без отца, который остался за границей.

Моя мама родилась в Японии. Ее отец был расстрелян в 1937 году в Малаховке.

В семьях моих родителей не осталось никаких следов традиции — просто интеллигентные еврейские дома, такие же, как у их друзей.

САМОЕ РАННЕЕ УПОМИНАНИЕ О ЕВРЕЙСТВЕ

— Почти каждый из нас в детстве переживал момент, когда вдруг узнавал о своём еврействе — от школьных друзей, соседских ребят или детсадовской компании. Как это произошло у вас?

— Когда мне было лет семь, однажды ночью я проснулся от щемящего чувства любви к моей соседке и однокласснице Тане. На крошечном листочке в клеточку я написал своё первое любовное стихотворение, где, между прочим, упоминался Б-г. Мы с ней дружили несколько лет.

А потом, в шестом или седьмом классе, на одной из перемен я вдруг заметил Таню, хихикающую с подружками. Они смотрели на меня, а она что-то быстро написала карандашом на маленьком клочке бумаги и вложила его в учебник. Через несколько месяцев мы дошли до нужной страницы, и я увидел эту записку — крупные печатные буквы: «ЖИД ПАРХАТЫЙ».

— Это было первое в вашей жизни оскорбление?

— Нет, о том, что я еврей, мне напоминали и раньше — и в школе, и на улице. Почти на каждой перемене приходилось драться с превосходящими силами противника: пятеро или шестеро против одного.

В школу я пошёл в шесть лет, потому что к четырём уже сам научился читать, и с тех пор вся моя жизнь была связана с книгами. Тогда мне казалось, что школьная жизнь будет увлекательной, и я упросил родителей начать мою учебу на год раньше принятого в стране возраста. Как же я ошибался — и как был за это наказан!

За партией я сидел рядом с третьеклассником: он списывал у меня и потому почти не трогал. В остальном же школа была не самым дружелюбным местом, и мне приходилось постоянно драться потому, что меня называли

«жидом». Но, несмотря на мой маленький рост, я был довольно крепким, и один на один нападать на меня не решались.

А в восьмом классе мне окончательно надоели все эти выяснения отношений, и я записался в секцию бокса. С этого момента меня перестали задевать вовсе.

ТШУВА – ВОЗВРАЩЕНИЕ К КОРНЯМ

- Как же в вашу жизнь вошло традиционное еврейство?

- В 13 лет произошло самое значительное событие в моей жизни. Я снял с бабушкиной книжной полки самую толстую из тысяч книг, на которой было написано «БИБЛИЯ». Это было еще дореволюционное издание, когда букву «и» писали палочкой с точкой сверху. Я прочел ее от корки до корки.

С того момента я стал читать все, что мог достать по религии, и в поисках Б-га ходить начал из церкви в церковь.

После периода с православными в моей жизни были соборы – католический (с органом) и лютеранский.

Тогда все казалось красивым и значительным, как музыка Баха и других великих композиторов. Но я чувствовал, что было не мое. Да, там и не ждали моей любви...

Не имея своего, я искал идеал – изучал различные философии, психологию, психоанализ. Дальше мои искания напоминали некий слоеный пирог различных духовных практик и смыслов: был период йоги и встречи с йогами, местными и индийскими. Потом проснулся интерес к буддизму, на время открылось светлое окошко лекций рава Александра Пятигорского, затем случился резкий поворот в сторону: посещение дацана в Бурятии и разных заграничных буддистов, даже встречался с Далай Ламой.

А параллельно занимался сочинением стихов и дружил с прекрасными поэтами и художниками, писал картины – словом, такова была моя жизнь. Все это было очень интересно, но не было Путем. Путем к Б-гу. Вопреки бытующему мнению, искусство не спасает ни мир, ни человека.

Правда, было еще одно событие, которое поразило меня, меломана с двенадцати лет, воспитанного на Бахе и Моцарте, затем на современной музыке, джазе и роке, вошедшего в круг замечательных музыкантов, среди которых был и Алеша Любимов, ныне профессор.

Все это было прекрасно, но по-настоящему пронзило мое сердце пение великих канторов начала прошлого века. Я слушал их записи у рава Эссаса в те несколько дней, когда жил в его доме. Они нарушали все каноны оперного искусства – хрипели, смеялись, плакали, — и именно поэтому их пение находило отклик в моей душе. Это было мое, кровное: забытый голос моей крови, моего подсознания.

Но тогда это еще не перевернуло мою жизнь.

Перелом случился позже, когда мне было тридцать четыре. Я жил на даче и как-то

вместе со знакомой зашел по соседству в Малаховке к Арье Свердлову и его жене Чарне. У меня тогда были длинные (по моде того времени) волосы, а он почему-то сидел в меховой шапке, хотя в доме, несмотря на зиму, было жарко.

Оказалось, что он с Арбата, кандидат в мастера спорта по шахматам, хороший футболист и бывший заведующий отделом рекламы Министерства легкой промышленности. После того, как Арье сделал тшуву, он решил начать соблюдать еврейские традиции, оставил престижную работу и устроился в Малаховскую синагогу сторожем и уборщиком — две ставки, всего сто сорок рублей.

На ближайший Шаббат он пригласил меня в синагогу — старый обгоревший сарай с широкими щелями в полу, где когда-то после поджога в дыму погиб сторож.

Чарна приготовила разносолы, а утром собрались старики: читали Тору, пели, пили водку, заедая медовым лекахом, завернутым в газетку.

А потом было празднование Рош Ходеш (начало нового еврейского месяца), за ним Кидуш Левана (освящение нового месяца), и Арье прыгал во тьме к звездам, а луна освещала заваленную снегом старую синагогу.

И тогда я впервые ощутил себя ДОМА. Понял, что нашел Путь, который так долго искал. Это снова было то самое пение — услышанная наконец мной музыка моей души.

- Гедалия, наше знакомство с вами и вашим творчеством началось для меня с рассказа «Нунчаки». Думаю, нашим читателям будет интересно с ним познакомиться.

НУНЧАКИ

Нунчаки – холодное оружие каратистов. Состоит из двух коротких палок, часто залитых внутри свинцом, соединенных цепью или прочной веревкой. Мои товарищи по бригаде, вероятно, только слышали о них, но никогда не видели.

В возрасте тридцати четырех лет накануне Песаха я сделал обрезание, начал накладывать тфилин и, спотыкаясь на словах, медленно читал из Сидура «Шма, Исраэль».

Я собирался уехать в Израиль, но меня не выпускали, а работу в НИИ я потерял. И вот, в начале лета, оказался на Урале, в городе Асбест — том самом, который некогда основал сталинский министр Каганович. Работа была тяжелой и опасной: двенадцать — четырнадцать часов в день я красил и штукатурил наружные стены десятиэтажного здания фабрики, стоя в облаках асбестовой пыли и без всякой страховки.

Я носил кепку, не ел мяса, старался питаться только разрешенной с точки зрения кашрута пищей. А «Шма», надев тфилин, читал ранним утром, еще не зная, что именно это время считается наилучшим для молитвы. Тфилин я доставал из тумбочки и накладывал их, пока остальные ребята в комнате спали.

Я был на восемь-десять лет старше тех, с кем работал, давно, с двадцати лет, не занимался спортом и, в отличие от работников бригады, почти всю жизнь отдавал не физическому труду, а художественной, литературной и научной работе. И, кроме всего прочего, я был евреем.

Отношения в бригаде складывались напряженно. Я с ними не пил, не поддерживал их разговоров, — одним словом, держался особняком. В свободное время читал и писал стихи. И это, разумеется, не прибавляло мне симпатий. В начале сезона кто-то грубо хлопнул меня по плечу, но я сразу предупредил: повторится — последствия будут тяжелыми. Затем последовали угрозы — в том числе от бригадира: мол, могут незаметно отвязать мою люльку, и я сорвусь вниз. Но дальше слов дело так и не дошло.

К тому же в бригаде решили, что зарабатывать я должен меньше остальных: они профессионалы, а я лишь новичок. (Хотя выполнял ту же работу и зачастую задерживался на люльке дольше.) Их расчет был прост: часть моего заработка можно раскидать между собой — мелочь, но все равно добавка.

Позже в коллектив пришел новый человек — уголовник с изуродованным лицом, десять лет просидевший за убийство. Его поставили на подсобные работы внизу, и наши маршруты почти не пересекались; жил он в другой комнате.

Под конец сезона он неожиданно подошел ко мне вечером после смены — пьяный, агрессивный — и впервые обратился напрямую.

Резко потребовал, чтобы я освободил кровать: теперь спать на ней будет он. Я попытался сгладить разговор, пошутить, но он, не меняя тона, дал понять, что лучше отступить, если не хочу неприятностей.

Выхода, казалось, не было. Мне действительно было все равно, где спать — как, вероятно, и ему. Но речь шла уже не о кровати: это было почти звериное выяснение иерархии — кто кого, кто главный, кто кому уступит. И

все происходило на глазах у бригады, которая с жадным любопытством ждала развязки.

Если бы я уступил, это не прошло бы даром: впереди маячили куда более серьезные неприятности.

Слова на него не действовали. Драться? Жалко было человека — искалеченного, обиженного судьбой, по-своему одинокого. И в то же время жалко было себя: силы явно были неравные — подростковые занятия боксом вряд ли бы помогли.

«Еще не вечер, — сказал я ему. — Поговорим позже».

Он выругался и ответил, что говорить не о чем: все уже решено.

Выходя из комнаты, я почти физически чувствовал на себе взгляды бригады.

Спустившись в холл рабочей гостиницы, я, как мог, помолился, немного послушался, но через полтора часа захотелось спать. Так ничего и не решив, с тревогой в сердце поднялся в комнату. И что я вижу: моя постель залита кровью, на ней, не в силах подняться, лежит мой обидчик с дико распухшим лицом и свежими ссадинами.

— Что случилось? — спросил я ребят.

Оказалось, он выпивал с бригадиром и, кажется, поспорил насчет денег. Бригадир — накачанный и рослый парень двадцати восьми лет стал его избивать. Тут же подоспели соседи из других комнат, сломали об него стул, и он свалился прямо на мою кровать.

Я заночевал в другой комнате. С утра отправился на работу, а вечером обнаружил пустую кровать — он ушел. Больше разговора о переселении не было.

Пару дней он лежал, не вставая, болел. Потом вернулся к работе. С бригадиром они снова стали друзьями, будто ничего не случилось.

Мы закончили красить здание, наступило время расчета. Провожаемый злыми взглядами, я направился к комнате бригадира. Он признался: вся бригада против того, чтобы платить мне по договору, и он не знает, как поступить — с мнением коллектива ему приходилось считаться.

Я посмотрел на него, сказал, что договаривался лично с ним, и замолчал. Гадал, сколько он

готов дать.

Молчал и он. А потом произнес:

— Я честный человек. Как договорились, так и сделаю. Вот тебе вся сумма.

Я поблагодарил его за честность. И тут он вдруг спросил:

— А что это у тебя за штуки такие?

— Какие штуки? — удивился я.

— Не притворяйся.

— Правда, не понимаю.

— Ты что, не знаешь, за них можно сесть на пять или десять лет?

— О чем ты?

— Да не бойся, я никому не скажу о твоих нунчаках. Они считаются холодным оружием, даже хуже, чем пистолет. Я же знаю: ты занимаешься каратэ.

— С чего ты взял? Нет у меня никаких нунчак.

— Ты думаешь, что ребята не видели, как ты, думая, что они спят, каждое утро тренируешься? Просто тебе не говорили.

ЧТОБЫ ВЕЧНО ЖИЛ НАШ НАРОД

Возвращаясь к традиции, я все яснее понимал: иного Пути возрождения нет — ни для еврейских родов, уничтоженных или ушедших в безмолвие, ни для тех, кто уцелел лишь в памяти еврейских семей.

Я чувствовал, что должен моим предкам, благодаря которым я жив. Должен сделать нечто для их продолжения. Для Разумовых и Спинаделей по отцовской линии, поженившихся когда-то в Одессе. Для Шлосбергов по маминной стороне, сосланных из Вильно в Иркутск, где моя бабушка вышла замуж за Давида Кругляка с Украины, погибшего под Малаховкой. Да поднимутся их души из забвения к Его престолу!

Сегодня мои дети и внуки носят их имена — и я надеюсь, что они продолжают эту нить поколений. Мне хотелось поддержать мой народ, который убивали во время Катастрофы и который убивает себя сам ассимиляцией.

Я сделал мало, очень мало, но молюсь о том, чтобы потомки шли по завещанному им Пути к Б-гу, чтобы наш народ жил вечно и вернулся к корням, к Источнику Жизни! ■

Гедалия с сыновьями

Дети, зятья с невестками, внуки

С младшими дочерьми — близняшками Басей и Эсти.

ПО ОБМЕНУ ОПЫТОМ - ИЗ "ГОРОДКА"

Многие из нас помнят, как весной 1993 г. на втором канале российского телевидения впервые вышла программа "Городок." Передача быстро обрела популярность и стала народной еще до того, как об этом стали говорить в ее заставке. Создатели передачи и ее бессменные ведущие Илья Олейников и Юрий Стоянов вскоре стали востребованы, давали интервью крупнейшим изданиям, мелькали на популярных ток-шоу и получали телевизионные награды. Шутки "Городка" обсуждали дома за ужином, в школе, в институте, на работе.

Одну из передач решено было снять в Израиле. Этот выпуск, помимо прочего, прославился удачной находкой Юрия Стоянова в рубрике "Приколы нашего городка", когда съемки велись скрытой камерой и участвовали в них ничего не подозревающие прохожие. Стоянов, гениальный актер, переодевшись в форму сотрудника ГАИ, организовал пост на подъезде к одному из израильских ишувов. Дескать, российских постовых прислали в Израиль обмениваться опытом с местными коллегами-полицейскими. Прикол превзошел все ожидания и надолго запомнился зрителю.

О том, как снимался этот эпизод и с какими сложностями был сопряжен, подробно вспоминает Илья Олейников:

"...Когда я учился в школе, рядом со мной сидел розовощекий, упитанный крепыш Миля Ройтман. Миля был по-своему уникальным ребенком. Каждую четверть он непременно заканчивал с восьмью двойками. Ни с семью, ни с девятью, а именно с восьмью. Учитель физики по этому поводу сказал как-то Ройтману-старшему: «За что я уважаю вашего сына, так это за стабильность».

Я смотрел на Милу несколько свысока, так как больше пяти двоек у меня не бывало. Не стоит и говорить, что Миля был худшим учеником не только класса, но и всей школы. Относясь к нему с некоторым превосходством, я в то же время больше всего боялся его внезапного исчезновения или переезда, так как понимал, что слава худшего ученика, случись что-либо подобное, немедленно перекошет ко мне. Однако в погожий апрельский денек 1961 года его родители, не посчитавшись с моим мнением, неожиданно снялись с места и укатили в далекий и загадочный Израиль. Произошло это сразу после полета Гагарина. Весь город тогда пребывал в недоумении, и пенсионеры, что собирались на лавочке Пушкинского сада, сутками гадали — то ли Гагарин улетел в космос, не выдержав предстоящей разлуки с семьей Ройтманов, то ли

Ройтманы покинули Отчизну в ознаменование полета Гагарина.

Каково же было мое изумление, когда, ступив спустя тридцать два года на Землю Обетованную, я узнал, что мой сосед по парте круглый двоечник Миля Ройтман является президентом одной из крупнейших израильских авиакомпаний, самолеты которой к тому же совершали регулярные рейсы в Россию. Я понял, что Миля стал богат. Богат, как Ротшильд! Но мне почему-то стало жалко его денег. Мне показалось, что он, в буквальном смысле, выбрасывает эти деньги на ветер, вместо того чтобы вложить их во что-нибудь стоящее. Например, в «Городок». Обуреваемый страстным желанием помочь другу детства в благородном деле расставания с собственным капиталом, я направился к его офису, находящемуся в центре Тель-Авива. Вскоре я, благополучно воспользовавшись тем, что секретарша куда-то отлучилась, уже стучался в массивную дверь ройтмановского кабинета. Ответа не было. Так и не дождавшись приглашения, я вошел внутрь и, протягивая вперед трепетную длань, сверкая как начищенный пятак, бросился к поседевшему соученику.

— Помнишь меня, Миля? — произнес я, всхлипывая от умиления. — Помнишь, как мы с тобой сидели на одной парте и чуть не остались на второй год?

— Боже! — ахнул Миля. — Клявер, ты, что ли?

Так он и сказал. Именно Клявер, а не Олейников. Почему? Да потому, что Клявер и есть моя настоящая фамилия, которую я, вынужден был изменить в силу не зависящих от меня обстоятельств.

— Признал все-таки — облегченно вздохнул я.

Мы несколько театрально обнялись, и я перешел к наболевшему.

— А почему бы тебе, Миля, не привезти в Израиль съемочную группу «Городка»? —

спросил я, стараясь придать своему тембру ласкающую слух приятную, бархатную окраску.

— А что я буду с этого иметь? — спросил Миля и, сказав это, скорострительно скончался в моем мозгу как простодушный двоечник. Я понял, что передо мной сидит хищник. Расчетливый и циничный. Я тоже решил из себя изображать хищника.

— Во всяком случае, ты ничего не поте-ряешь, — сказал я, вальяжно развалившись в кресле. — Твои самолеты и так летают в Москву. Прихватишь и нас до кучи. Тем более, насколько я знаю, у тебя и гостиничка имеется на берегу моря. Там и поселишь, а мы тебя в передаче оттитруем красиво. Рекламочку скрытую забаваем. Резонанс будет ого-го! У вас в Израиле ведь тоже «Городок» смотрят?

Миля покряхтел и согласился. Прилетев домой, я сразу же позвонил Стоянову. Идея съемки передачи за границей ему понравилась, однако его смущало одно обстоятельство. Какой мы снимем там прикол, и снимем ли мы его вообще? Думал он несколько дней и наконец придумал поставить в Израиле гаишника, который будет тормозить машины с бывшими советскими гражданами и, помуржлив их некоторое время, беспощадно оштрафовывать. Правда, возникал вопрос, где этому самому гаишнику стоять и как понять, что в машине едет не настоящий израильтянин, а наш родной, отечественный, свой в доску русский еврей. Пришлось звонить Ройтману в Тель-Авив и поделиться своими сомнениями.

— Ерунда! — обнадежил он. — Не проблема. Поедем в караван.

В моем сознании караван ассоциировался скорей с верблюдами, нежели с евреями, поэтому я поинтересовался у Милы, что это слово означает.

— Караваны, — объяснил он, — это маленькие поселки, в которых селят новых эмигрантов. Они живут там года по два, пока не адаптируются. Я повезу вас в караван, где проживают исключительно бывшие наши. Туда ведет отдельная дорога, и, кроме них, там никто не ездит. Любого можете брать, даже не пикнет.

Первая проблема была решена, но возникла вторая — где взять форму? Мы направились в ГАИ. Гаишный полковник долго тужился, силясь понять, что же нам от него нужно. Он слушал наш сбивчивый рассказ, хмурился, кричал и наконец поставил вопрос ребром:

— Вы мне прямо скажите, кого вы собираетесь разыгрывать — гаишника или еврея?